

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И КРАЕВЕДЕНИЕ
В КУЛЬТУРЕ
РОССИИ

Москва

2000

Д.С. Лихачев УЧИТЕЛЬ

Как часто приходится слышать от ученого, особенно молодого, такие слова: “Я - ученик такого-то”. Но что значит “ученик”? Прослушал курс лекций: разве это означает, что он тем самым стал учеником - в том смысле, в котором говорят друг о друге ученые?

Понравилась ли неторопливая речь с кафедры? Усвоил ли в аудитории ряд фактов, которых нет в учебных пособиях? Познакомился с профессором лично? - Все это еще не дает права называть себя “учеником”.

Сколько раз мы сталкивались с тем, что ученый, уже “взрослый” и известный, пользуется именем какой-либо знаменитости, объявляя себя его “учеником”, чтобы возвысить собственное положение, собственный престиж! Нет, “ученик” значит нечто другое: принадлежность к школе старшего ученого, причем такая принадлежность, которая выделяет ученого в науке, заставляет предполагать в его работе особые методические и методологические приемы изучения предмета своих занятий, особые манеры поведения в своей среде.

Я знал нескольких ученых, у которых были действительно “ученики”, действительно научная школа. Ученые эти дружили между собой, обменивались научным опытом и открытиями, помогали своему учителю в тех случаях, когда исследование требовало терпения и не нуждалось в особой тонкости открытых им данных.

Таким Учителем был, например, Владимир Николаевич Перетц, особенно в период своей деятельности в Киевском университете. В.Н. Перетц учил не только приемам исследования, но и научной нравственности, любви к предмету своих занятий. Бывало и так, что ученики Владимира Николаевича собирались у него на дому, чтобы отпраздновать чей-либо юбилей и тогда через поздравления услышать о себе не просто похвалы, но и деликатно выраженные наставления. Собирались ученики и для того, чтобы быть ближе к личной библиотеке Учителя, увидеть, какими книгами и как

он пользуется, ознакомиться с принципами расстановки материалов, покопаться в его картотеках, услышать рассказы об учителях Учителя, об университетских нравах прошлого и тем самым усвоить некоторые “вечные” принципы поведения ученого в науке.

Владимир Николаевич Перетц практиковал совместные выезды своих учеников в другие города, чтобы познакомить их или сделать описания хранящихся в библиотеках этих городов рукописей. Особенно часто такой “семейно-школьный” быт Учителя и его учеников проявлялся в киевский период его профессорства. Совместные хождения на концерты серьезной музыки, прогулки на лодках по Днепру - все это было в Киеве и все это создавало не просто научную школу, но собирало содружество молодых ученых, влияло на их развитие и создавало столь важный в науке обмен опытом, обмен знаниями и взаимопомощь.

Вспоминаю милого Николая Калининвича Гудзия, ученика В.Н. Перетца, который по примеру последнего перенес занятия по древнерусской литературе из помещений Московского университета к себе на дом и воспитал действительных (не фиктивных) учеников.

Влияние школы Перетца было большим, и каждый из прослушавших несколько лекций на дому у Н.К. Гудзия мог по праву называться его учеником.

Вот таким Учителем может быть назван сейчас и Сигурд Оттович Шмидт, ученики которого собираются в целое сообщество молодых ученых, выступают с докладами в своей среде, выпускают сборники статей, совместно издают книги.

В.Н. Перетц, В.П. Адрианова-Перетц, М.Н. Тихомиров и многие другие, среди которых — Сигурд Оттович Шмидт, могут быть названы школой, от сохранения и развития которой зависит судьба исторической науки не только в Москве, но и в Новосибирске, и в Петербурге и других городах России.